

Любовь.mp3

Павел Парфин

Павел Парфин

Любовь.mр3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507141

Аннотация

Книга Павла Парфина «Любовь. mр3» – русская рулетка, виртуальные гностики и реальная любовь.

Кондрат Гапон (персонаж книг «Юродивый Эрос» и «Гемоглобов») исповедует взгляды киберпанка, представителя радикального направления контркультуры. Его кумир – Сид Вишес, один из лидеров британской панк-группы 70-х «Секс Пистолз». Вместе с друзьями, Эросом и Палермо, Кондрат проводит в доме, в котором живет, кровавой интернет – Гемоглобов. Информация в необыкновенной телекоммуникационной сети перемещается в виде логосов, растворенных в крови. Оборудованием для Гемоглобова служат гемвер (сервер) и несколько десятков комгемов, обеспечивающих закачку крови в Сеть и обмен кровью и логосами между пользователями Гемоглобова.

Кондрат создает тайное сообщество гемов (пользователей Гемоглобова), которые собираются в его квартире. Однажды в Гемоглобов попадает вирус, от которого, как сообщают случайные очевидцы, погибает один из гемов. Завладев этим вирусом, Кондрат организывает между остальными гемами что-то вроде

виртуальной русской рулетки – усыпив в буквальном смысле гемов, Гапон запускает в Гемоглобов опасный вирус, цинично ожидая, кого на этот раз поразит электронный убийца.

Начинается смертельная игра с загадочным вирусом. Однако в итоге выясняется, что этот вирус – логос-файл «Любовь. mp3».

Содержание

1	9
2	17
3	26
4	41
5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Павел Парфин

Любовь.мп3

* * *

– Эрос, почему ты меня не любишь? Эрос, очнись! Я к тебе обращаюсь!

– Отвяжись, Ален! Что-то ты сегодня чересчур озабоченная.

– Дурак! Я совсем про другое... Кондрат, почему он меня не любит?

– Любовь, Ален, это музей. А кому сегодня нужен музей? Саркофаг для исторических безделушек, склеп культурного фетиша...

– О-ё-ёй, какие мы умные!

– ...Кунсткамера выродившихся страстей. Один прикольный чувак, Малкольм Макларен, однажды сказал... Ален, ты знаешь такого старика?

– На фиг он мне сдался! Тем более раз старик – значит, музей. Да еще, наверное, едва ходячий.

– Хм, верно, Ален. Один-один. И все ж погоди на фиг посылать. Макларен – первый продюсер «Секс Пистолз»...

– Боже, храни королеву!

Ведь это фашистский режим.

Он сделал из тебя болвана – Потенциальную водородную бомбу.

Боже, храни королеву...

Жаль, «пистолеты» давно почили в бозе. Эх, сейчас бы их к нам!

– Неправда, Эрос. Это Сид Вишес ушел в мир иной, закачал себе слишком много «Герасима», а старички еще барахтаются. И главным у них был вовсе не Сид, а Джонни Роттен...

– Джонни Гнилой и Сид Зловещий – закадычные дружки. Ха-ха, прямо, как мы!

– ...Но неважно. Мне «Секс Пистолз» по барабану. Тоже музей. Здесь я полностью согласен с Ален.

– Так что же сказал Макларен?

– Примерно следующее: музеи – это полный отстой, а подлинным искусством сегодня является шопинг – походы по магазинам.

– Интерактивное искусство: ты – мне, я – тебе...

– Верно, Эрос.

– Чушь собачья.

– Нет, Ален, это так. Витрины, прилавки, распродажи – разве это не инсталляции? Не экитн?

– Может быть.

– А вот чтобы традиционное искусство отвоевало место под солнцем, потеснило соперников, хоть те же магазины... Искусство должно, оно просто обязано преступить закон.

Причем закон не только в самом искусстве, но и в этике, в человеческих коммуникациях, окружающей среде, религии, наконец...

– И что это будет? Беспредел какой-то!

– Антиискусство, Ален. Всего лишь навсего. Начало начал. Антиживопись, антиклассика, антиопера...

– ...Антивера, антимир, анархия!

Я анти-Христос.

Я анархист.

Не знаю, чего я хочу,

Но знаю, как это получить.

И хочу уничтожить прохожего,

Потому что хочу анархии!..

– ...Антинадежда, Ален, антимечта!

– ...Антилюбовь.

– Ха-ха-ха! Молодец, Ален, быстро схватываешь!

– Эрос, я тебя антилюблю.

– Это как?

– Да никак. Вот что я скажу вам, парни: отстой не музей, а эта ваша антивера и антилюбовь. Я хочу обычной, бабьей, любви. С ухаживаниями, цветами, ночными свиданиями и поцелунками. С наглыми приставами, черт побери!.. Я еще не испытала, а меня уже воротит от любви вне закона. От любви без правил. Без будущего. А я хочу, чтоб родители благословили меня...

– Ален, но это же старомодно!

– Пусть! Но я хочу, чтоб Эрос обнял меня, взял на руки, и не потому, что антивлюблен... или вколол какую-нибудь гадость, или накурился. Или проглотил якусь пилюлю, от которой душа поет и летает, и готова закохаться в будь-яку жинку. Но время действия пилюли закончится, и Эрос снова будет пялиться на меня от мороженным взглядом. Хочу, чтоб «термін дії більше не діє»!

– Ну-ну, выбирай выражения!

– А что, разве неправда, Эрос?!

– Хм, почти семейная сцена: милые бранятся...

– Ну вы, блин, и орете! Возле подъезда слышно.

– А-а, Палермо, наконец-то. Если бы ты знал, как меня эта парочка достала. Ведь они все делают вопреки – любят друг друга, а утверждают обратное. Сплошная антилюбовь... Слышь, Палермо, есть у меня идея. Пошли на кухню, погутаим. Я как раз холодного пива припас.

– А эти?

– Пусть лаются. Мне, кстати, под их разборки лучше душается. Так вот, моя идея... Помнишь Гемоглобов?

Гемоводы и транскабели пришлось пустить прямо по наружной стене дома – от форточкы к форточке протянулись лианы черных и совершенно прозрачных кабелей. Вот это было зрелище! Точнее, обещало быть. Предвкушая картинку, которая скоро станет достоянием сотен людей, Кондрат Гапон, улыбаясь, потирал руки. «Представляешь, что подумает пипл?» – глядя на Эроса, Кондрат презрительно ухмыльнулся. Не выдержав его взгляда, Эрос отвел глаза. Хотя знал, что Кондрат не презирает его. Точнее, не его презирает... «Что по проводам течет томатный сок? Или гранатовый?» – осторожно предположил Эрос. «Как же, гранатовый, по шесть гривен за литр. Нет. Пипл решит, что по трубкам течет кровь. Много крови! И испугается, откажется поверить в то, о чем невзначай догадался». Кондрат крепко сжал губы – казалось, навсегда. И лишь в уголках рта, подобно осколкам разбитого воинства, сохранились остатки его перченой улыбки. Будто в черный шоколад добавили горький соус «чили». Будто Гапон был сплошь из шоколада, отравленного перченым соусом... «Представляешь, что почувствует пипл, когда узнает, что это и вправду кровь? Кровь течет по стенам их родного дома», – Кондрат ухмыльнулся в другой раз, и приятели разошлись по домам.

Идея эта пришла, разумеется, Кондрату. Идея реаними-

ровать Гемоглобов – интернет, в котором вместо бесполой, выхолощенной байтов гоняет живая кровь. Непредсказуемая, одержимая свойственными лишь одной ей тайнами, бежит кровь гемов – пользователей Гемоглобова. На вопрос «на фига все это?» Кондрат, немного заведясь, но продолжая улыбаться шоколадно-перченой улыбкой, ответил. Сказал будто постановил: «Шоб пипл не расслаблялся. Но главное, штоб вы всегда были начеку. Сечете, о чем я толкую? Чувства ваши мертвеют быстрее, чем растут ваши ногти. Чувства немеют, безнадежно немеют и совсем скоро не смогут заявить о себе. Будет смешно – а вы даже не улыбнетесь. Станет страшно – но вы пройдете мимо, бесчувственные, как глиняные истуканы. Эрос, у тебя уведут Ален, а ты и не вспомнишь про ярость, не проклянешь, не покаешься. Всех вокруг поразит чья-то красота или безобразие, а у вас даже подозрение не возникнет, что рядом что-то произошло... Душа немеет, пацаны, как рука, которую вы неудачно отлежали во сне. Дух бьет тревогу, не в силах найти подтверждения собственной значимости. Сначала бьет в колокол, а затем затихает. А душа, не испытав должного набора ощущений, мертвеет. Немеет, дрянь такая...

Так какого черта, пацаны?! Что за жизнь без значения? Без острых, колких, резвых, резвящихся чувств – разве это жизнь? Да, Ален?»

Тряхнув светлой, как вся она, шевелюрой, Ален кивнула. Она понимала, о чем говорит Гапон, но не верила ему. От-

казывалась верить. В ее сердце еще предостаточно пороха. Пусть только пожелает ее Эрос, она, не задумываясь, с радостью рванет свою пороховую мышцу. Вот тогда ее чувства разлетятся окрест! Хватит надолго и многим...

Эрос неосознанно взял Ален за руку. Но взгляд его, даже не коснувшись воздушных локонов девушки, беспрепятственно проникнув сквозь оконное стекло – в ту минуту Ален подумалось, что такое по плечу только ее возлюбленному, – не отягощенный заботами и любовью, терялся в розовато-синей дали. Вечер заманивал солнце за горизонт – солнце не ломалось, послушно закатывалось, как закатываются глаза у отдающейся... Ален встала против окна; возникший за ее головой протуберанец играл, золотил ее волосы. Лишь однажды, скосив на девушку взгляд, Эрос вздохнул: «Женщина, облаченная в солнце». И отпустил руку.

В это время Палермо, ловя лысым черепом зайчики, пускаемые заходящим светилом, равнодушный к страстям по немеющим чувствам, безучастный к неразделенным чувствам, налаживал гемвер – сервер для восьми десятков комгемов. Скоро, может, уже завтра, комгемы, включенные в сеть Гемоглобова, начнут питаться и обмениваться друг с другом человеческой кровью. Озаряя, обагряя мониторы гемомузыкой – первородным гносисом, знанием, добытым в крови отчаявшихся и боящихся признаться себе в этом людей. Гносисом вместе с шальной кровью должны были добровольно пожертвовать те, кто, испытывая ужас или, наобо-

рот, так до сих пор и не поняв, что с ними происходит, успели затеряться, застрять, погибнуть в жизненной круговерти... Бедный, бедный пипл! А среди жаждущих или просто молодых и любознательных, рискованных гомов – Кондрат, Эрос, Ален и Палермо.

– Будет круче, чем в черной комнате без окон и пола, – довольным тоном пообещал Кондрат.

– Почему без пола? – удивился Эрос. – Мало того, что темно, так еще и... Провалиться можно.

– Вот именно! – Кондрат энергично плюнул на землю; заметно было, как его распирает от восторга, близкого, похоже, одному ему. – Ты испытаешь полный провал! Мрак и бездна! Ты провалишься в черную, беспросветную бездну!

– Не хочу я такого, – закапризничала вдруг Ален. – Я света хочу. Чтоб видеть, как улыбается Эрос.

И девушка безотчетно прильнула к плечу юноши, да тот, балда, по обыкновению отстранился. Не любил на людях телачьей нежности.

– Хм, скоро ты забудешь, как он улыбается, – Кондрат мрачно насупился. – Скоро ты обо всем забудешь. Не до того будет.

Сколько квартир в их доме рискнули подключиться к кабельному, или, как его уже успели прозвать, семейному Гемоглобову, никто точно не знал. Об этом Гапон позаботился: проводить транскабели и гемоводы он пригласил трех незнакомых друг с другом работяг. Спецы трудились по очереди.

Таким образом Кондрат пытался добиться большей анонимности и таинственности.

– Ох уж этот Гапон! Люцифер доморощенный...

Мотнув головой, Ален прижалась влажными губами к теплой груди Эроса. На завтра был намечен старт Гемоглобова, а сегодня они еще вместе – она и ее Эрос. Чего она так боится, дуреха?

– Ф-ф, мне щекотно, – сдерживая смех, фыркнул Эрос и перевернулся на живот. – Не целуй меня больше. Такими губами, как у тебя, можно насмерть защекотать.

– Ах так! – в следующую секунду Ален оседлала юношу и, шлепнув по его голой попе, дурашливо заржала. – И-о-го-го-о!! Лети стрелой, мой конь ретивый! Забудь покой, мой дух ревнивый!

– Ни за что-о-о! – Эрос изогнулся, резко вскинув зад, крутанул им, стремясь скинуть непрошеную наездницу; Ален, не удержав равновесия, повалилась набок, прямо в объятия возлюбленного... Успокоив дыхание, поймав ошалевшее сердце, со стоном восторга едва не выскочившее наружу, посадив сердце в привычную клетку, обняла-обвила Эроса за шею, прижалась отвердевшими сосками к его возбужденным соскам... И тогда рассудок вновь заявил о себе, открыв шлюзы любопытству и тревоге. Сознание заштормило, сердечко защемило, но уже не от счастья, а от беспокойства, нашептанного врожденной женской интуицией.

– Ты не знаешь, что имел в виду Кондрат, когда говорил,

что приготовил нам кучу сюрпризов?

– Когда это было? – не вынимая изо рта сигареты, не совсем разборчиво уточнил Эрос. Они лежали бок о бок на неширокой тахте в Алениной комнате в ее завораживающем тишиной доме.

Петр Васильевич, батя Ален, должен был вернуться с работы нескоро, часа через два с половиной. За это время можно было налюбоваться вдоволь, да что там налюбоваться – узнать друг друга, как себя. Глубже и лучше, чем себя. А дальше – прощай, подруга, поступай, как знаешь.

– Так когда он такое сказал? – Эрос сжал левую грудь Ален. Грудь у нее были большие и упругие, во время занятий любовью жили, казалось, исключительно своей жизнью, как два своенравных зверька. Эрос любил ласкать этих зверьков с острыми соблазнительными мордочками, дразня и приручая их одновременно. Но Ален больше не откликалась на его ласки – на место юной страсти пришла вполне зрелая осторожность.

– Ну, как ты не помнишь, Эрос?! Кондрат еще пугал нас какой-то рулеткой!

– Не помню такого. Спи лучше, – Эрос вызывающе зевнул.

– Ну вот, я думала, мы любовью займемся, – Ален беспомощно пыталась спасти положение, но было поздно – Эрос обиделся или вправду уже остыл.

– Я тоже так думал. А нужно было заниматься.

– Так чем же мы сейчас занимались?!

– Хм, не иначе как разыгрывали любовь...

До пуска Гемоглобова оставалось чуть больше четырех часов. Согласно Гапоновскому плану, пуск должен был состояться в три часа пополудни. В десять Эросу неожиданно позвонил Кондрат и, не слушая никаких возражений, назначил его редактором гемопрограмм семейной Сети. С десяти пятнадцати до почти без десяти одиннадцать Эрос прошел у Палермо короткий и беглый, как диктант по украинскому, инструктаж и, разумеется, мало чего поняв в своих редакторских обязанностях, зачем-то отправился к Ален. Может, думал поделиться с ней некоторыми соображениями о новом Кондратовом приколе, посоветоваться, что ему делать, или... Или, не желая себе в том признаваться, просто хотел помириться с ней. Вчера как-то глупо все вышло. Дурацкая размолвка! Ну почему он не трахнул ее на прощание? Ведь она так этого хотела...

Он забыл все свои вопросы, все слова прощения, когда увидел Ален. Она вышла к нему совершенно растрепанная, полуодетая, мокрая, с включенной шевелюрой – короче, явно возбужденная.

– Ты что, мастурбацией занималась? – немедленно сморозил Эрос, ошарашенный видом девушки. Ему и в голову не могло прийти, что у нее может быть еще кто-то, кроме него.

– Занималась, – только и ответила она. Глядя мимо него – взгляд, влажный, бесстыжий, едва не коснулся его правого плеча. И Эросу отчего-то запал, запомнился именно этот

момент: капельки пота на красном лбу Ален и ее бессовестно-счастливые глаза...

– Черт! – Эрос чертыхнулся и включил комгем. Все позади. Все – позади!!.. Все только начиналось.

Эрос редактировал не все гемопрограммы, а только их новостийную часть. Эдитор гемоньюс – так окрестил его Кондрат. Еще три пацана и одна девчонка отвечали за другие гемоблоки. К примеру, созданием гемоклипов занимался парень, с которым Эрос не был знаком. Гемоигры редактировала страшная, как атомная война, девушка из третьего подъезда. Прошлым летом, когда Эрос еще не знал Ален, он мимолетом переспал с Жанкой... А что делал он сам? По правде говоря, ничего. Ну, почти ничего. Палермо подключил к Эросовому комгему ребристый, как движок от древнего мопеда, сублиматор. Приборчик, собственно, и отдувался. А Эрос его нехотя, особенно не напрягаясь, контролировал.

Справедливости ради надо отметить, что сублиматор – штуковина сверхпоправочная! Непостижимая простым смертным. Сколько Палермо ни впаривал Эросу устройство и основные принципы работы своего чудо-детища, все было напрасно. Эрос так и не въехал. Ну разве что в самых общих чертах усвоил. Вроде того, что сублиматор идентифицирует многочисленные гносисы, содержащиеся в крови гемов, добровольно сброшенной ими в сеть Гемоглобова. Кровь так же полна гносисом – непреходящим, подобно всей истории человечества, знанием, – как серое вещество, упрятанное природой в костяной бокс человека. Да кровь просто сочится,

хлещет гносисом! Невостребованный или попусту выпущенный наружу гносис сворачивается – чернеет, густеет, отмирает... Закончив процесс идентификации, сублиматор классифицирует добытые из кровей нескольких десятков людей знания, раскладывая их по соответствующим тематическим папкам: «Развлечения», «Страхи», «Мечты», «Секс», «Зависть», «Юмор», «Заботы», «Печаль», «Ненависть», «Любовь», «Сны»... Безжалостно препарированный, на первый взгляд, и растасканный по рубрикам гносис на самом деле объединялся в единый информационный блок. Гапон назвал его «гемоньюс». Тематические гемоновости в автоматическом режиме рассылались их подписчикам. Каждому свое. Происходило это через каждые четверть часа и выглядело следующим образом.

Пользователь семейной Сети включал комгем, вводил в вену иглу, при помощи гемовода соединенную с комгемом, устраивался удобней в кресле, на диване или прямо на полу – и входил в Гемоглобов. Отпускал в Сеть кровь и ждал... Подгоняемая мини-гемиксом – маломощным локальным электронным насосом, кровь устремлялась по гемоводу прочь от ее хозяина. Все дальше от тема, рискнувшего сыграть одновременно с жизнью и забвением, которым, возможно, и была сама смерть – вещь незнакомая и туманная. В глазах тема картинка привычного мира расплывалась все сильнее, все ощутимей подташнивало, душа отчего-то радовалась безвозвратно утекающим силам... Все глубже в запредельные да-

ли, все ясней и понятней грех – грех Адама, осмелившегося изведать запретное знание.

По прозрачному и тугому, как артерия, гемоводу кровь вытекала из тела слабеющего с каждой секундой смельчака, через форточку или отверстие в стене покидала дом тема – не живого, не мертвого. Конечным пунктом кровяного пути был гемвер – сервер Гемоглобова, установленный в квартире Кондрата... В ясный день, когда облака лишь местами превращают небеса в подобие вареных джинсов, а то и вовсе не кажут носа, в такой вот солнечный день, остановившись неподалеку от их дома, можно было отчетливо наблюдать, как, налившись кровью, провисают темно-красные нити гемоводов, беспорядочной, неправильной сетью опутавших три четвертых стены дома. Некоторые жильцы уж слишком близко к сердцу приняли это новшество. (Опять же справедливости ради нужно сказать, что картинка из перекрещенных вдоль и поперек гемоводов, едва заметно вздрагивающих не то от порыва ветра, не то от бегущего по ним тока крови, и впрямь выглядела диковато.) С семидесятивосьмилетней Антониной Васильевной чуть удар не случился, когда она впервые увидела Гемоглобов в действии: руки ее, воздетые к небу, будто одеревенели, ноги, наоборот, подломились, и несчастная старушенция с выпученными очами и застрявшим между зубами языком беспомощно осела. Промажнувшись мимо скамейки, повалилась на грядку с ландышами. Палермо потом рассказывал, что когда помог

бабушке подняться, с трудом разобрал, как она пролепетала: «Боженьки ты мой! Шо ж это творится?! Словно с живого кабанчика кожу содрали – а под ней-то кровушка бежит...» Сравнение Васильевны показалось Кондрату прикольным. «Во бабка дает! – похвалил он. – Самую суть уловила: кровь бежит. Должна бежать! На этом стоит наш Гемоглобов».

Из разных окон-квартир гемоводы сбегались, как уже было сказано, в дом Гапонов – там находился гемвер и центральный гемикс. Мощный электронный насос откачивал кровь у отчаянных гемов – любителей острых ощущений. Куда уж острее!.. Десятки алых ручьев впадали в компактное озерцо с прозрачными пластиковыми стенками – гемотермос, специальную емкость в гемиксе, служившую для временного сбора крови. Там-то и происходило основное таинство: в гемотермосе, как в миксере, кровь смешивалась, одновременно раскладываясь на гемобайты, в которых-то и был заключен персональный гносис каждого гема. По транскабелям, по внешнему виду ничем не отличавшимся от телевизионных кабелей, гемобайты сбрасывались в сублиматоры пяти редакторов программ. В сублиматорах гносис подвергался опознанию и сортировке: каждому гемобайту находился его шесток – тематическая папка. При этом редакторы слабо отдавали себе отчет, в чем же, собственно, заключаются их редакторские обязанности. Уж Эрос в этом точно мало что соображал. Бессмысленным взглядом наблюдал за игрой сине-красно-желтых огней – индикаторов, густым ряд-

ком расположенных на передней панели сублиматора, тупо всматривался в их затейливый бегущий рисунок, словно пытался разгадать зашифрованное в цветовой чехарде послание. Напрасно!

На той же передней панели было устроено небольшое углубление, назначение которого Эросу, естественно, было неизвестно. Его все тянуло залезть в ямку пальцем... Но он ограничивался тем, что стряхивал туда сигаретный пепел. Пожалуй, единственная умная мысль, на которую невзначай навело его бесплодное наблюдение за сублиматором, была та, что человек сегодня так же бессилен в понимании большинства законов и механизмов природы, мироздания, да чего там далеко ходить – ежедневного человеческого социума, как и десятки тысяч лет назад. И, наверное, пройдет еще немало веков, а может, и тысячелетий, пока человеку будет позволено открыть еще 1–2 процента тех самых законов. В самом деле, кто бы мог предположить еще месяц назад, что игла нужна не только для того, чтобы штопать носки или шиться...

Отсортированный гносис по семнадцати транскабелям – столько тематических папок было создано редакторами гемопрограмм – возвращался в кондратовский гемикс, где, подобно приправе или специям, добавлялся в кровь каждого гема. Таким образом кровь обогащалась теми знаниями и ощущениями, на которые подписался тот или иной пользователь Гемоглобова. Насыщение крови заказным гносисом

происходило в момент выхода крови из гемотермоса через специальные шлюзы – за каждым гемом был закреплен свой, персональный, шлюз. В шлюзах были установлены миниатюрные устройства, принцип работы которых сильно напоминал работу автомобильных форсунок. Через такую вот гемофорсунку и впрыскивались в кровь заказанные подписчиком гемобайты – гемоновости, гемосплетни, гемоигры, гемоужасы и другие формы кровяного гносиса.

На тот час, о котором повествует наш рассказ, было задействовано 89 шлюзов с гемофорсунками. Это свидетельствовало о том, что столько же жильцов в доме по улице Якира отважилось подключиться к Гемоглобову. Наиболее футуристическому и в то же время, пожалуй, самому архаичному интернету.

Шлюзы открывали восьмидесяти девяти кровяным ручьям дорогу назад – к телам их хозяев. Конечно, это была уже не та кровь, которую гемикс первоначально откачал у гема и влил в гемотермос. Совсем иная кровь возвращалась, чужая... Это был настоящий взрывной коктейль из своих и чужих лейкоцитов, кровяных телец, молекул ДНК и, конечно же, чужого гносиса. Сущая гемобомба неслась по гемоводу в кровеносную систему гемоподписчика! Уцелеть мог только мертвый... Чтобы визуализировать ощущения, чтобы усилить кайф с помощью привычных, а точнее сказать, воспринимаемых сознанием визуальных и смысловых образов, параллельно насыщению крови гемобайтами в гемиксе шел

процесс копирования этих самых гемобайтов и конвертации копий в файлы, формат которых читался комгемами. Конвертированные копии посылались в комгемы, в конце концов находя отражение – порой фантастическое, захватывающее, а порой низкое и ужасное – на мониторах пользователей Сети. Абсолютно синхронно с передачей электронных копий гносиса в комгемы в тело каждого гема возвращалась обогащенная, смешанная кровь. Таким образом, благодаря двойной атаке – через кровеносную систему и зрительные органы чувств, гем достигал максимальной высоты и глубины ощущений и знаний. Чувств и гносисов без границ, без тормозов! Гем, больше подталкиваемый нездоровым любопытством, нежели поступающий по доброй воле своей, проникал в космос, где эфиром и звездным веществом служила кровь его и остальных гемов, а Млечным Путем, будоражащим сознание, испытывающим волю, был Гемоглобов. Интервалы между отливами и приливами крови – между откачкой ее из организма пользователя и возвращением ему обогащенной порции – не превышали 15 минут. А казалось, не хватит и вечности...

Какое-то время Эрос бродил по интернету. За окнами хлестал ливень, навязчиво тарабанил по карнизу, неуклюже выбивая из оцинкованной жести неведомые адреса в Сети. Эрос безотчетно прислушался – не разобрал. Вдохнул. Отпил из чашки с горячим кофе, едва откусил от бутерброда с ломтиком сыра и алой долькой помидора... Эрос лениво

скачал с сайта на сайт, как с кочки на кочку, бывало, оступался, взглядом увязая в какой-нибудь виртуальной топи. Однако, не найдя ничего путного, равнодушный к изысканиям безымянного веб-мастера или модератора сайта, совсем скоро кликал следующий адресок. Но и другой, и третий, и все остальные адреса в итоге оказались такими же мутными и застоявшимися, как болотная жижа... Когда это вконец наскучило, он переключился на поисковик. Ему было стыдно признаться себе, что все, что он делал – или, вернее, не делал, – служило одной единственной цели – протянуть время. Проволочить, проволынить – сделать все, что угодно, лишь бы оттянуть момент принятия решения, зловещий миг вхождения в Гемоглобов. Эрос боялся его, как смерти. Поэтому нарочно застрял в традиционном интернете.

В поисковике он набрал свое имя, скомандовал поиск. Мириады сайтов, мириады текстовых комбинаций, где звучало имя его, Эрос, мириады смыслов – легендарных, мифических, банальных, противоречивых и просто исключающих друг друга. Но нашлось лишь с полдюжины информашек, действительно заслуживающих внимания, – Эрос скачал бы их, если бы не фильтр. Кондрат приказал Палермо поставить на каждый комгем фильтр, дабы у гемов не возникало соблазна скачивать из интернета разную чушь, а затем разбавлять ею кровь. Сетевым, искусственным, гносисом разбавлять первородный гносис крови.

Ну, что еще? Затравленным взором глянул – нет, даже

не глянул, прикоснулся с опаской к иконке Гемоглобова – кресту, как бы произрастающему из ярко-алого сердца. Прикоснулся да тотчас отдернул, отвел глаза от зловещего знака, словно обжегся об него; ненароком скакнул взглядом на иконку по соседству – знак гемочата. Название имело явный посыл к Гемоглобову, но, слава Богу, лишь к его имени, а никак не к его кровавой природе. Гемочат – почти заурядный чат. Почти – потому что его придумал тот, кто придумал и Гемоглобов, – Кондрат Гапон.

Войдя в гемочат, Эрос зарегистрировался как Атараксий. Тут же исправил: Атараксия – Невозмутимость. Сейчас это был, пожалуй, единственно отважный поступок, на который он был способен.

Огонек. ...И что, охранник ничего не заметил?

Марго. Абсолютно! Так ведь это еще не все. Кроме двух бутылок водки, Хром стибрил из маркета коробку рыбных котлет.

Хром. Не котлет, а биточков. Галимые, кстати, оказались.

Марго. Не перебивай, Хром, и не перебирай харчами. На шару достались, а ты еще нос воротишь! Цену себе набиваешь?

Огонек. Поправка, девочки! Я так вам завидую! Ну почему меня не было рядом с вами?

Ален. Что тут такого – унести из супермаркета водку? Мы покруче прикололись. Я думала, у продавца сдвиг по фазе будет.

Огонек. А чем вы его достали?

Ален. Да с подружкой моей, Люси, и ее сестрой Ираклием придумали классную игру – антишопинг.

Огонек. Антишопинг? Это как?

Марго. А чего так странно сестру зовут – Ираклием? Она что, трансвестит?

Ален. Нет, она клевая девчонка. Просто у нее нос с горбинкой. Как у Наны.

Хром. О-о, у этой грузинки такой офигительный шнобель!

Марго. Кончай над Наной прикалываться! На себя лучше посмотри... И что, Ален, как ваш антишоппинг?

Ален. Кстати, эту фишку Ираклий придумала. У нее вообще котелок варит.

Хром. Конечно, у нее ж нос горбатый. Пацаны не приста-
ют. Чем еще заниматься? Вот она и думает.

Марго. Ты, умник, а ну-ка заткнись! Ален, рассказывай.

Ален. Месяц назад Ираклию в одном супермаркете при-
паяли шоколадку, которую она не покупала. Короче, Ирак-
лий решила отомстить.

Огонек. О-ё-ёй, девочки, как интересно!

Марго. Блин, теперь ты лезешь! Помолчи, дай Ален рас-
сказать. Чувствую, нехилая поправка будет.

Ален. Ираклий предложила запихивать в водку дракон-
чиков.

Марго. ?!

Огонек. ?!

Ален. Игрушечных дракончиков. Есть такие детские на-
боры с динозавриками и драконами, вот их и засовывали в
бутылки... Папик Ираклия как-то рассказал ей, как в моло-
дости пил вьетнамскую водку с червяками.

Хром. Со змеей.

Ален. Ну да. Но сначала Ираклий научилась снимать кры-
шечки с бутылок. Не откручивая. Понимаете?

Марго. Подумаешь крутизна! Я летом работала на прак-
тике с одной девчонкой, так она на спор отдирала крышки

из-под колы и лонгера задницей. Сядет на бутылку, поднатужится, и чпок – крышка в жопе торчит!

Огонек. Фи, как пошло, Марго!

Хром. Ха-ха-ха!

Ален. Вы постоянно перебиваете меня. Не хотите, не буду рассказывать.

Марго. Все, все, Ален, мы больше не пикнем!

Ален. Я сама видела, как Ираклий с помощью тряпки, смоченной, кажется, в уксусе, открыла бутылку «Особливой». Затем пропихнула в горлышко резинового дракончика. А он такой мерзкий – ярко-оранжевый с зеленой головой. Бр-р!.. Снова крышечку надела, акцизную марку приклеила – как будто так и было. Представь, Марго, в бутылке «Особливой» красный дракон плавает, а?

Марго. Я уже начинаю торчать. Давай дальше.

Ален. Ираклий запрятала бутылку под свитер и потепала в «Кулиш». Если кто был в этом супермаркете, то знает, что полка с водкой у них почти в самом углу.

Хром. Да, знаю, но я не люблю «Кулиш». В нем цены запредельные, наверное, на одних толстосумов рассчитаны.

Ален. Вот. Ираклий поставила бутылку с драконом на полку, между остальной водкой, купила шоколадный сырок и ушла.

Марго. ?!

Огонек. ?!

Хром. ?!

Ален. За ней сразу вошла я. Послониалась с минуту по магазину, потом взяла нашу драконовскую бутылочку – и к кассе. А там дура сидит, вся на понтах, крест-накрест перепоясана лентами из одноразовых пакетиков кофе. А я мило улыбаюсь, говорю: «Надо же, какую особенную водку стала выпускать „Горобина“! С ящерицей!» И сую кассирше бутылку. Анка-пулеметчица в отпаде, глазища как зеркала в моей пудренице! Короче, шок конкретный.

Марго. Вот это поправка! Я бы не догнала до такого.

Огонек. О-ё-ёй, девчонки, как классно!

Ален. Погодите, дальше будет покруче! Кассирша зовет завмагом, у той зенки тоже чуть с орбит не сошли. Спрашивает, где я взяла эту бутылку. Я делаю обиженное лицо: «У вас в магазине, где ж еще?!» Завмагом забирает водку, уносит к себе в кабинет, а мне, представь, эта дурочка за кассой предлагает купить... другую водку. А я... Ха-ха-ха! Я требую книгу жалоб и предложений и катаю в нее жалобу: мол, как вы смели не продать мне водку с червяком?!

Марго. Вот это меня закрепило!

Хром. Да-а, я тоже приторчал.

Огонек. Девочки, вау!!

Ален. Вторую драконовскую водку пронесла Люси. А покупать пошла Ираклий. И, представь, ей продали!

Огонек. Да ну?!

Марго. Гонишь ведь?!

Гром. Сколько чувств и энергии отдано напрасно. Ради

какого-то бестолкового треп. Слежу я за вашей беседой, если можно ее так назвать, и думаю...

Марго. А ты не думай и не следи! Тоже мне следопыт нашелся!

Хром. Кондрат, это ты?

Гром. ...И вот я думаю: какие же вы на самом деле? Какими вы будете, оказавшись вдруг в критической ситуации? Когда будут решаться вопросы жизни и смерти? По-прежнему ли ваши умы будет волновать водка с игрушечным драконом? До антишоппинга ли, когда поджилки дрожат?..

Марго. Хватит нас запугивать! Надо ж, Громом его зовут... Не назвался настоящим именем, а строит из себя праведника!

Гром. Нет, это ты слухай сюды! Теперь говорить буду я! По поручению Кондрата. И пусть только кто-нибудь из вас попробует выйти из гемочата. Вздрючу каждого, кто осмелится, да так, что мало не покажется!

Огонек. Ой, девочки, кто это?!

Гром. Заткнись, дура!

Хром. Да ладно, мы ничего такого не сделали. Валяй, чего хотел сказать.

Гром. Вот так-то лучше. Я сейчас стану говорить, можно сказать, проповедовать, а вы мотайте на ус. Запоминайте. Попробуйте только не запомнить! Я устрою вам экзамен. Не сдадите – не выживете. Ладно, с богом. С Гемоглобовым!

Гемоглобов – наш бог, кровь – манна, посланная нам

нашим богом, дабы наполнить нас стойкостью и энергией, упорством и рвением в завоевании мира. Я – Гром, пророк, который поведет вас дорогами судьбы к абсолютной победе и власти.

Марго. Эй, парень, тормози! Что-то ты не то нам втираешь!

Гром. Заткнись, я сказал тебе!! Как ты смеешь перечить мне, вашему пророку?! Да ты!.. Ты, очевидно, забыла, ха-ха-ха, что твоя бесценная, то есть дармовая, кровь в моих руках?..

Хром. Кто ты? Кондрат?

Гром. ...И стоит мне в нее только капнуть... каплю, ха-ха-ха, не буду говорить чего, как ты превратишься в засушенный мухомор!

Огонек. Страшно, девочки!!

Гром. Отчего тебе страшно, детка?

Огонек. Ой!.. Страшно хочу писать.

Гром. Так иди... пидай. Остальные – на месте! И читать меня молча! Пусть только кто-то еще раз рискнет! Оборвать меня не по делу!..

Так я продолжу, с вашего позволения. «Ни плоть, ни кровь не могут наследовать царствия божия»... Как бы не так! Лишь наша кровь – моя, твоя и ее, и его – способна наследовать царство божие – царство Гемоглобова. Традиционный бог – брюзга и зануда, он признает лишь слабую душу, решившую переждать жизнь в убогой плоти. «Не бойся пло-

ти и не люби ее... Если ты полюбишь ее, она поглотит тебя, она подавит тебя». Совершенно искусственное, навязанное нам понимание человеческой природы и духа! То ли дело наш бог. Гемоглобов близок нам уже тем, что любит кровь – алую форму плоти. Жаждет крови! Понимает в ней толк. Кровь... Кровь для бога Гемоглобова все равно что первородный океан для юной земли. Кровь ценна гносисом, как океан – кислородом и семенем.

Хрестоматийному богу нет до нас никакого дела. И только бог Гемоглобов искренне печется о нас. Он кровно заинтересован в нас. А-ха-ха! Он кровно заинтересован в нашей крови!

Ваш бог бесконечно далек от вас, дальше солнца! Между вашим божеством и миром людей миллиарды низших духов, манипулирующих вами, помыкающих вами, презирующих вас! И только Гемоглобов – единственный бог, над которым безраздельно властвуют его дети, его ученики. Мы властвуем над нашим богом! Каково?!

Атараксия. Мы не будем спорить о том, о чем никто из нас толком не знает. Ум бессилён постичь такое, зато сердце подсказывает: Бог любит нас. Наш Бог близко, Он с нами! Он неоднократно давал нам почувствовать Свою любовь – творчеством ли Своим, строгостью ли Своей, словом ли Своим – логосом.

Гром. О-хо-хо! У меня появился первый оппонент! Занятно! Атараксия – невозмутимая. Ну-ну, посмотрим, на-

долго ли хватит тебе твоей заявленной невозмутимости. Не напишаешь ли ты от страха, как твоя подружка?.. Однако ж, замечу, что и среди ваших богов встречаются мозговитые парни. Взять хотя бы гностического бога. Да ты, наверное, не слыхала ничего о таком? А? Ха-ха-ха! Бог гностиков смелей и откровенней хрестоматийного бога. Однажды он заявил своим ученикам: «Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете царствие...» Как это верно, как это точно описывает Гемоглобов и его учеников – нас, единственных и избранных.

Атараксия. «Блаженны единственные и избранные» – это не по-христиански. Что же делать остальным – неединственным? Выходит, для них изначально закрыты двери в Царствие Божие?

Гром. Ну вот, уже слышны пораженческие нотки! Так, оправдываясь, рассуждает раб, которому его небесный господин привил вечное ощущение вины и несвободы, позорной зависимости от его мистической воли. Не приемлю такого! Наш бог Гемоглобов не унижается до положения раба, не уподобляется нищим и голодным, дабы быть понятым и принятым ими, и не унижает своих учеников.

Атараксия. Христос светит, как звезда на небосводе, поэтому он притягивает к себе людей. Он свободен, как свет, и Он вовсе не раб. И дети Его, христиане, тоже свободны. А оковы стыда и унижения, низости и нечеловеческих мук Он взялся нести, дабы выкупить для Бога Отца таких, как ты.

Как исполин способен один на один сразиться с неисчислимым войском, так и Христос, саккумулировав в Себе грех каждого человека, сумел искупить его ценой Своей жизни. И воскрес!

Гром. Что можешь знать ты о воскресении? О бессмертии? У бессмертия привкус крови. Ах, какой это сладкий вкус! Страха нет, страха смерти больше нет! Ведь известно, что смерти удалось проникнуть в наш мир лишь после того, как Ева отделилась от Адама, женщина оторвалась от мужчины, как отрывается одинокий лист от пышной листвы... Желаете – а вы ведь желаете – хоть на миг вспомнить вкус бессмертия? Желаете убить в себе смерть? Так войдите в Гемоглобов, соедините свою кровь с кровью женской, поглотите ее, воссоединитесь с ней. И вы почувствуете, что значит жить без смерти. Что значит жить!

Атараксия. Кровь людская далека от совершенства, бессмертия ей никогда не достичь, как не достичь тоненькой речушке, тесно зажатой в песках пустыни, бескрайнего, безбрежного моря. Пройдет век, и кровь высохнет, испарится, забвение уничтожит ее следы, и люди продолжают умирать, втайне или за чашкой чая мечтая о бессмертии. И только Одному дано это – пожелать и суметь исполнить желаемое: вновь соединить Адама с Евой, сердце мужчины распахнуть, как ворота, дабы после долгих странствий вернулась она, его женщина. «Поэтому пришел Христос, дабы снова исправить разделение, которое произошло вначале, объединить обоих

и тем, кто умер в разделении, дать жизнь и объединить их».

Гром. Ваш бог – прирожденный красильщик. Он раскрашивает судьбы людей, как ребенок незатейливые книжки-раскраски. Бог и в самом деле ведет себя по отношению к нам как ребенок. Что мы ему? У бога много дел поважней, чем раскрашивать человеческие судьбы.

И Гемоглобов, подобно вашему богу, – красильщик. Еще более совершенный красильщик! И краску выбрал истинную – кровь. И крестит того, кого крестит, – кровью.

Атараксия. Мне не близко это... Ничего не могу поделить с собой. Мне не близок такой бог Филиппа.

Гром. Зато у гностического бога как у Гемоглобова: если хочешь увидеть себя истинного или неизведанного, стань тем, кого видишь. Чтобы увидеть Гемоглобов, нужно стать им. Но, став Гемоглобовым, вдруг видишь себя таким, каким не мог представить себя даже в самых неудержимых фантазиях.

Атараксия. А я предпочитаю любить. Когда любишь, тогда даешь. И видишь тогда в счастливых глазах другого, кого любишь и кому даешь, – обязательно видишь себя истинного.

Гром. Ты сопротивляешься! Твои попытки сопротивляться выглядят такими нелепыми, старомодными; в них преобладают чувства, а не дух! Но я далек от мысли о милосердии к тебе! Ведь ваш бог – пожиратель людей! И он также не проявлял милосердия к людям! А-ха-ха! Пожиратель лю-

дей! Попробуй-ка возразить! Сначала он сожрал своего сына и тысячи первых христиан, затем стал жрать врагов христианства.

Атараксия. Жрать – значит жертвовать. И если были жертвы во имя Бога – значит, такова воля Божья. И такова вера. Ведь когда веришь, тогда получаешь. Надеешься получить взамен жертв, принесенных божеству. Отсюда вопрос: в самом ли деле все жертвы были принесены Богу? И бог ли тот, кого ты назвал пожирателем людей?

Гром. Что бы ты ни говорила, ретро-бог человекояден. Подобно ему, Гемоглобов питается кровью. Кровью своих учеников – гемов. В этом оба бога схожи. И вместе с тем Гемоглобов – кровопитающее божество. Сожрав нас, насытившись нашей кровью, он немедленно нас рождает. А породив, кормит теперь уже не нашей – своей кровью, теперь уже не нашим – гносисом всех гемов.

Я обращаюсь к вам, гемы: перед тем как входить в Гемоглобов, перед тем как слиться с новым богом, вспомните о своей вере, разбудите в себе любовь. Только вера поможет вам получить вместе с кровью братьев и сестер вождь-ленный гносис. Только любовью оправданы ваши безмерные щедрость и расточительность – когда вы легко, не задумываясь, отпускаете в Гемоглобов свою драгоценную кровь, заветное, не востребованное вами знание. Среди которого, может быть, и логос человеческого бога. Один лишь логос бога!

Да, в каждом из нас скрыт логос – слово божье. Мы носим

его, подобно жемчужине, в себе, среди безымянного гносиса, не подозревая, что полны пестрым знанием, как рыбы брюхо икрой или молоками. Но рыба, возможно, догадывается, что среди ее бесценных икринок спрятано создание несравнимо чудесней и драгоценней, чем просто вызревающая новая жизнь. Рыба чувствует тяжесть жемчужины, а мы – нет. Для того чтобы обнаружить в себе жемчужину бога – его логос, есть только один путь: необходимо разбудить в себе скрытые знания, обратить их в самопознание. А для этого нам нужно обменяться гносисом друг с другом.

Атараксия. Как же можно обменяться тем, о существовании чего даже не подозреваешь?

Гром. Вот поэтому мы и обмениваемся своей кровью. Подобно кислороду, растворенному в воде, в нашей крови растворено неисчислимое число гносисов...

Атараксия. Только что ты сравнивал неоткрытые знания с рыбьей икрой, теперь – с кислородом.

Гром. Что ж здесь странного? Ты абсолютно правильно подметила: знания в нас не открыты.

А у неоткрытых знаний полчища всевозможных сравнений и образов столь же несметны, сколь несметны эти сами знания. Расставшись со своими безымянными, неопознанными гносисами, мы получаем взамен вместе с чужой кровью чужие гносисы, среди которых, по счастливой случайности, может оказаться и логос бога. Чужие гносисы призваны встряхнуть нас, взбодрить, изменить, как, бывает, ме-

няет человека внезапная смена имени или родины. Чужие гносисы, как занозы, застревают в нашем сознании, подсознании... Как глоток горячего вина, божий логос будоражит наш дух!

Атараксия. Раз уж мы оба цитируем гностиков... Вспомню еще. Любимое у Филиппа: «Ибо совершенные зачинают от поцелуя и рожают. Поэтому мы также целуем друг друга, зачиная от благодати, которая есть в нас, в одних и в других». Гром, а ты кого-нибудь целовал? А целовали ли тебя?.. Думаю, это так и не случилось. Сочувствую тебе и молюсь за тебя. Поцелуй откроет тебе сокровенный путь к благодати, к светлому прекрасному. И не будет ни в душе твоей, ни в разуме места для бесплодных умничаний, для черного самобичевания и черного уныния.

Гром. Что мне поцелуй млекопитающей? Я испытал на себе ощущение несравнимо более сильное и драгоценное – поцелуй бога. Вкус Гемоглобова. Если бы я родился женщиной, я бы стал вечной любовницей бога.

Но я есть его мать: я придумал и создал моего бога.

Я скажу больше: каждый из нас, гемов, – мать божия...

Атараксия. Звучит крайне вызывающе и кощунственно! Мать у Господа одна – Святая Мария!

Гром. Ты защищаешь Марию – недостойную пряху! Родившую незаконного сына от римского солдата Пантеры!

Атараксия. Святость так же невозможно испачкать, как выкрасить солнце в черный цвет. Люди в десятки раз силь-

ней и коварней тебя пытались делать это – осквернить, опозорить Марию перед людьми. Первосвященник поил Марию водой обличения перед Господом, таким образом пытаюсь явить людям ужасные грехи Марии. Безуспешно пытался... А что ты в сравнении с тем первосвященником, когда даже он сказал: «Если Господь Бог не явил ваш грех, то я не буду судить вас»?

Гром. Что я?! Читай же дальше! Каждый тем – матерью божия, ни один раз услышавшая волшебный зов благовещенья. Благие вести посылает нам наш бог Гемоглобов, на алых крыльях крови посылает; и кровь, словно заботливый ангел, среди прочих гносисов вносит в нас частичку, кровинку Гемоглобова. Его бесподобный логос! Гемы беременеют логосом Гемоглобова и в назначенный срок рожают богов. Каждый рождает своего бога – обожествленный гносис, или собственный логос. Гносисом-логосом тем бескорыстно делится с Гемоглобовым – отдает богу всего себя без остатка. В благодарность за это Гемоглобов... zaczynaет от наших логосов, сплавляет их в причудливые комбинации, ткёт немыслимые узоры смыслов и заблуждений, ясных образов и заманчивых нелепиц. В положенный час Гемоглобов производит на алый свет новые логосы, чудо-логосы! И осеменяет ими наше сознание. И так без конца и края: пока в нас струится кровь, пока в нас живет жажда познания, пока мы живем Гемоглобовым – до тех пор Гемоглобов живет ради нас.

Придет время, и будет создана новая Септуагинта – вели-

кая книга о новом боге Гемоглобове и его отважных учениках. В этой книге будут удачно сочетаться поучительная история крови и мудрость крови, спасительная сила крови и ее соблазнительный яд...

Атараксия. Септуагинтой зовется лишь единственная, Божья, Книга, переведенная на греческий. Септуагинта чувств – это любовь. Любовь – перевод на язык сердца шепотов и криков божественной души, затаенной, подобно последней надежде, в каждом из нас. Гемоглобов – это антихрист. Истинный Бог выкупил людей, спас их души ценой своей крови. Гемоглобов не обещает людям ни спасения, ни искупления; он – источник безграничных мук, циничный пожиратель крови и радости... Не отворачивайтесь же от Бога, Он – истинный!..

«Гемоглобов – это антихрист». Эрос вздохнул. Легко сказать, но как трудно повторить и принять. Эрос славно вжился в образ Атараксии – чистый образ неизвестной христианской души. Словно кто-то неведомый и справедливый проводил в Сети спиритический сеанс, без всяких предупреждений и объяснений остановил свой выбор на Эросе. Но, что самое удивительное, использовал не его юное тело, а его младую душу. На несколько мгновений, потрясающих, незабываемых, обратил его бесформенную душу в сформировавшийся дух истинного христианина!.. Увы! С каждой новой минутой Эрос все слабее понимал, что с ним приключилось в Сети, кем он был в гемочате и кем мог бы стать в жизни. Гемоглобов манил к себе неудержимо, властно, как и подobaет дьявольской сущности.

Наконец, все так же тяжело вздохнув, Эрос потянулся к небольшому металлическому коробку с зеркальными, будто облитыми жидким серебром, стенками. Там хранились чистые иглы.

Ввел в вену иглу. Нутром почувствовал, как в тот же миг неопознанная внешняя сила позвала к себе его кровь. И заструился алый сок из вены, спеша и, кажется, о чем-то мурлыча. Немедленно затуманился взор, слюна во рту приобрела соленый привкус, словно кровь рванула на волю не только

из вены, но и горлом... Мышцы ослабли, обмякли, в висках заломило, тревожно застучали молоточки не нашедшей пока выхода крови. Его бросило в холодный пот. В следующее мгновение Эрос передумал, запоздало попытался вырвать из вены иглу, но рука не послушалась; он хотел закричать... Боже, неужели он умрет?! Кондрат, сволочь, обещал райское наслаждение, а его все глубже и глубже затягивает в ад...

Эрос подписался на «Страхи», «Любовь» и «Юмор»... Хм, интересно, какого барахла теперь больше в нем: прежних юношеских комплексов и рефлексов, неопытной любви, которая так и норовит вляпаться в какую-нибудь историю, набить шишек, исцарапать сердце, или... И смех у него теперь какой-то неправильный. Слово для маскировки, для отвода глаз. Смех-мимикрия. Маскировочная сеть, маскхалат. Откинешь – а под ним душа кротко улыбается...

После сеанса в Гемоглобове ничего не почувствовал, ничего не приобрел. Лишь облачко радужных мотыльков назойливо мельтешило в глазах, будто он сдуру на сварочную дугу насмотрелся. Да еще явный вкус крови во рту. Чужой какой-то вкус... Вот и все путешествие в преисподнюю. Ни тебе страхов вновь приобретенных, ни любви запредельной, потусторонней, ни юмора-бугорка, о который как спотыкнешься, так и за-хо-хо-че-че-че... Почище, чем после косячка. Короче, никаких явных и неявных гемоновостей, обещанных и неисполненных, самим же Эросом подготовленных. Лишь дрожь в руках и дурной вкус во рту. Захотелось

чего-нибудь пожевать – мятного, винтерфрешевого, блендаметового... Короче, Гемоглобов ни к черту! Фигня!

Эрос раздраженно выдернул из вены иглу – кольнуло мимолетное желание прихлопнуть иглу, как комара. Бросил ее в пепельницу – игла с гранатовой каплей на конце утонула в сером, словно шинель деда, пепле. Снова сглотнул горькую слюну, безотчетно прислушался к ощущениям: из-за грубого плетня раздражения, недовольства к его рассудку отважно пыталось прорваться еще какое-то чувство, похоже, милосердное и жалостливое... Вовремя осенило: нужно отвлечься, развеяться.

Смешно волоча шлепанцы, то и дело, выскакивая из них, Эрос двинул в сторону кухни. Щас чайку погрееет, с лимончиком наведет... В дверь позвонили – звонок застиг Эроса на полпути к заветному чаю. Эрос глянул в дверной глазок: в нем застряла физиономия Кондрата. С фирменным, присущим лишь ему выражением – радостно-похотливым. Словно Кондрат открыл что-то великое и одновременно запретное. Эрос напрягся: значит, что-то все-таки есть. Значит, Гемоглобов и впрямь существует.

– Стряслось что-то?

– Да как сказать...

Гапон объявил сборы: позвонил на мобильный Ален и Палермо. Пока ждали ребят, Эрос, закрыв левый глаз чашкой с чаем, с тревогой наблюдал за приятелем. Предчувствие чего-то очень нехорошего, непреодолимого, с которым еще ни-

когда не сталкивался, но которое должно было неизбежно случиться, сковало тело Эроса, набило ватой ноги; рука, державшая чашку, будто окаменела... Гапон нервно расхаживал туда-сюда перед Эросом, замершим на диване. С чего это он взял, что Кондрат был чем-то обрадован? Ни хрена себе радость! Да Кондрат злой, как собака!.. Как загнанная собака.

– Кондрат, ты скажешь наконец, что случилось?

Гапон, встав против Эроса, резким движением отнял чашку, плеснув чая Эросу на колени. Отпив, негромко произнес:

– Первый сошел с дистанции...

Около трех примчался Палермо, за ним минут через сорок приехала Ален. Красивая, холеная, дразнящая ароматом защищенности.

– Ты б еще дольше собиралась, – хмуро заметил Кондрат. – В кабак, что ли, собралась?

– Не твое дело! Ванную принимала, понял?!.. А чего вы притихли, как на... Эрос, кого хороним?

Эрос, хмыкнув, отвел взгляд: да-а, интуиция Ален никогда не подводила!

– А что за пацан коньки откинул? – как ни в чем не бывало девушка уселась любимому на колени, по-хозяйски провела ладонью по его светло-каштановым кудрям. Эрос скривился, почувствовав, как охотно отозвалась его плоть на упругую тяжесть девушки, на ее легкие требовательные ласки.

– Не пацан, мужик почти, – поправил Кондрат. Ничуть не смущаясь, он разглядывал светившуюся любовью Ален. Ей

было все нипочем.

– Почти мужик? Это как? – улыбаясь, Ален продолжала ерошить Эросу волосы. – Наполовину спал с девушкой, наполовину – нет? Так что ли?

– Ну, 28 ему уже.

– Двадцать восемь мне уже, поцелуй меня везде... А как зовут? – на миг прервав ласки, отчего Эрос тут же облегченно вздохнул, она посмотрела Гапону в глаза. – Как звали его?

– Савл.

– А, Савл, – с напускным безразличием скривив губки, Ален вновь обратила светящийся взгляд на любимого.

– Савл? – удивленно переспросил Палермо. – Шо еще за гуманоид?

– У-у, Палермо, какая ж ты темень! – возмущению Гапона не было границ. Правда, непонятно, что его так завело – ограниченность Палермо или откровенная сексуальность Ален: девушка прижалась к Эросу и запустила руку ему между ног. Зыркнув на мгновение на влюбленную парочку, Кондрат уставился на Палермо. Казалось, Гапон был готов испепелить его. – Наверное, кроме «железа» своего и «виндовс экспи» больше ничего не знаешь!

– Почему ничего? А «фронт пейдж», а «макромедиа флэш»? – обиделся Палермо.

– Савл – это Павел Рябцев, – отстранив от себя девушку, отчего-то глупо хихикавшую, Эрос встал с дивана.

– Но при чем тут Савл?

– Блин, ну ты и тормоз, Палермо! – Кондрат рвал и метал. Похоже, совершенно искренне.

Эрос казался намного спокойней. Он подошел к Палермо и вдруг обнял его за плечи.

– Метод-перевертыш. Настоящее, еврейское имя апостола Павла – Савл. А Кондрат решил поступить наоборот: назвал Рябцева...

– По-еврейски, что ли? Ну ты и приколист, Кондрат! – криво усмехнувшись, Палермо во все глаза уставился на Кондрата. Словно ждал от него подвоха: не приведи Господи, Гапон и его как-нибудь обзовет-приговорит. Вот уж воистину: сначала было слово, а затем уж кому как на роду написано – жизнь або...

– Погодите, мальчики, я все равно не пойму, о ком идет речь. Рябцев? Что-то не помню такого парня.

– Та-ак, еще одна. Ха, хотя чему я удивляюсь – ты ведь, кроме своего Эроса, никого не замечаешь. Из принципа, да, Ален?

– Ладно, Кондрат, не задирай ее, а то дюже умный. Рябцев, Ален, – ты должна его знать. Пижон из второго подъезда. Мать в загранке, денег валом, живет сам... У него еще такой розовый пиджак в клетку и бакенбарды. Красные, почти ржавые. Савл... Паша их красил.

– Чего, баки, что ли? – не поверил Палермо. Похоже, и он слабо представлял, кто этот пижонистый Савл.

– Ага.

– Докрасился.

– Какие же вы злые!

– Так что ж нам теперь сопливые пузыри пускать?! – вспыхнул Кондрат; видно было, что перебранка, пустая, бессмысленная, ему порядком надоела. Вдруг, странно поднырнув под правую Эросову руку, хотя запросто мог бы обойти его, он подскочил к Ален и, склонив голову набок, скорчив злобную гримасу, зарычал на нее. – Видела б ты его рожу, когда его из хаты выносили.

– А ты что, видел? – Ален была на высоте, даже бровью не повела; лишь в уголках ее губ трепетала усмешка, выдавая волнение и брезгливость, вдруг охватившие девушку. Она повторила. – Ну, так ты сам видел... мертвого Савла?

Кондрат, очевидно, не ожидавший такого вопроса, мгновенно сдался, подобрел. Неприятная гримаса тотчас исчезла с его лица, будто кто-то, безымянный и невидимый, слизнул ее своим прозрачным языком.

– Не-а, Хром рассказывал. Его квартира как раз напротив Рябцевской. Говорит, вышел мусор выбросить, а тут жмурика выносят. А голову не накрыли. Хрен знает почему. Наверное, санитары сами офигели от его вида.

– А что там было-то? – взяв Ален за руку – то ли чтобы ее успокоить, то ли чтобы самому не потерять самообладание, спросил Эрос.

– Хм, пустячок: рожу Савлу так перекосило, бакенбарды растопырились, как иголки у дикобраза. Красные бакенбар-

ды – бр-р! Усратья можно от страха. Помнишь парня из «Звонка», который от страха скопытился? У Савла круче было. Такой рожи ни в одном кино не покажут... Вот что я скажу, пацаны, нужно к Савлу домой забраться, глянуть, чем это его шандарахнуло.

– К Савлу – забраться?! Ты што, очумел?! Его ж квартиру наверняка менты опечатали! – Палермо с возмущением помотал головой.

– Кондрат, а чего ты так дрожишь? – неожиданно обратил внимание Эрос. – Неужели ты веришь в эту муть?

– Какую муть? – Кондрат насторожился; губы его задрожали еще сильнее.

– Ну, что его кто-то или что-то могло напугать? Может, его током ударило?

– Угу, и от этого бакенбарды дыбом встали.

– А что, это идея! – подала голос Ален, глянула насмешливо в сторону Эроса. – Эросик, а что если тебя током... Чуть-чуть. Член твой тогда встанет... Представляю себе!

Эрос, нарочито закатив глаза, покрутил головой.

Не обращая на Эроса и Ален внимания, Кондрат задумчиво продолжал:

– Я не знаю, отчего умер Рябцев. Но очень хочу выяснить... Палермо, полезешь?

– Я?! Почему я? Чуть что, так сразу Палермо! Я что тут, самый рыжий?!

– Нет, самый лысый. Та-ак, кто у нас еще? – Кондрат ис-

пытующе посмотрел на Эроса – тот два раза подряд моргнул; затем перевел взгляд на Ален. – Вижу, смельчаки перемелись.

– Да у нас их и не было никогда, – грустно усмехнулась Ален. – Ты ведь не герой, Эрос? Все боишься меня...

– Ладно, придется мне, – наконец объявил Гапон. Сказал таким тоном, что всем сразу стало ясно, что он давно принял решение.

– Так квартира ведь опечатана! – напомнил Палермо.

– Плевать! Ведь ты... ты... – неожиданно Кондрат схватил Палермо за грудки, – ведь ты не хочешь, чтоб завтра твоя квартира была опечатана?

– Што я, дурак? – Палермо не без труда освободился от его рук.

– Вот поэтому все нужно выяснить. Заранее... Хотя тебе, Палермо, все по барабану.

– Это почему же?

– Потому что ты лысый, как барабан. И у тебя баков нет! Ха-ха-ха!

Смеялись все. Смеялся и Палермо. Но громче всех гоготал сам Гапон. Так страшно смеялся, будто последний раз в жизни.

Кондрат Гапон ни разу в жизни не взламывал чужие двери. Но пришлось. Сразу отбросил мысль воспользоваться для этих целей профессиональной отмычкой или набором проволочек и гвоздей. Подбирать ключи тоже глупо, потеря

времени. Да и не было у него на примете такой роскошной связки ключей. Хотя, конечно, заманчиво. Кондрат мысленно облизнулся, представив себя обладателем такой связки. Ключи от всех-всех существующих и... будущих замков! А что, разве не поправка? Замок еще не изобрели, не врезали в дверь, а ключ от него давно уж болтается у Кондрата на связке. И не просто ключ, а со специальным наводящим индикатором: стоит лишь подходящий ключ поднести к замочной скважине, как индикатор загорается красным огнем. Ну, а если ключ не подходит – ясно пень, индикатор молчит. Да-а, с такой связкой Кондрат обязательно бы озолотился... От фомки он тоже отказался. Грубо, пошло, слишком по-бандитски. Хотя романтика своя, конечно, есть. Но много шума и пролетарщины. Нет, Гапон воспользуется другим. Шуметь – так по-черному, чтоб никому в голову не пришло, что взламывают дверь...

Дверь Савла Рябцева Кондрат решил взорвать. Вернее, к чертовой матери разнести ее замок. На операцию Кондрат прихватил всего три вещи: латунную масленку, нитку, пропитанную в бензине, и спички. Вот и все.

Квартира Савла, который не стал апостолом – вообще никем не стал, не успел, зато носил клевый розовый пиджак в клетку, а умер от страха перед чем-то ужасным и неведомым... Кондрат нервничал. Черт его знает, где та квартира! Эрос сказал, что на третьем этаже. Вроде бы... Вот и пошел бы вместо него, так нет же... Остановившись под подъездом, Кондрат дрожащими пальцами вставил в рот сигарету. Щас покурит, уймет дрожь, будь она неладна! Выпустил сухую струю дыма сухими губами... Все трусы, все! Стоит заговорить о деле, а еще круче – решить, кто будет им заниматься, так пацаны в ответ руками машут, ему же за спину норовят спрятаться. Или, как Эрос, под пышную грудь Ален сховаться. Друзья тоже мне! Разогнать всех!.. Разогнал бы, да других нет. И не предвидится. Ничего – Кондрат щелчком отшвырнул в кусты дымящийся бычок, – ничего, он еще докажет им, на что способен. И себе – докажет. Ведь другого варианта нет.

Квартира Савла находилась не на третьем, а на четвертом этаже. Мелочь? Для кого как. В течение ближайших 10–15

минут – затягивать дольше смерти подобно – Кондрат должен действовать четко и уверенно, учесть любую мелочь, не допустить не то что ошибки – ни одной даже самой безобидной оплошности. Мать твою! Гапон едва не вступил в кошачье дерьмо. Как же он ненавидел котов!

На лестничной площадке воняло забродившими солеными огурцами вперемешку с этим самым кошачьим дерьмом. «Мать их!» – Гапон выругался в другой раз, имея в виду жильцов этого запущенного подъезда, и бодро скинул с себя рюкзачок. Злость к безымянным жильцам – Кондрат упустил, что одним из них был хорошо знакомый ему Хром – добавила в кровь Гапона недостающей порции адреналина. Он тут же осмелел, дрожь утихла. А когда внимательнейглянул на дверь Савла... Вид ее развеселил Кондрата, окончательно подняв ему дух. Поперек двери, закрепленная по краям рамы, была натянута белая лента. «Во учудили! Черной, что ли, не нашлось?» – хмыкнул удивленно. Не хватало только ножниц и фотоаппаратов, чтобы запечатлеть момент взлома. «Ну что, приступим!» – скомандовал сам себе и вынул из рюкзака три волшебные свои вещицы.

В масленку – обычную масленку, которая входит в комплект, наверное, любой швейной машинки, – тщательно вымытую в бензине и столь же тщательно вытертую насухо, Кондрат насыпал охотничий порох. Где взял? Хм, взял... Поднес масленку к замочной скважине, тонким, предварительно заточенным напильником концом углубился в метал-

лическое чрево... Задержал дыхание, будто собирался нажать курок... И нажал. Крошечное серое облачко – пороховое облачко выпорхнуло наружу. «Класс! Мне это уже нравится». Тем же заточенным концом запихнул в скважину кончик нитки. От нее ощутимо пахло бензином. Странно, как от тонкой нитки могло чем-то пахнуть, причем ощути-мо?.. Нитка повисла почти до самого бетонного пола – каких-то двух-трех сантиметров не хватило. Внизу хлопнула входная дверь – Гапон замер со спичкой. Потом, сжав упрямо губы, не обращая внимания на приближающиеся шаги, чиркнул спичкой. Поднес пламя к концу нитки... Она не загорелась – начала быстро тлеть. Очень быстро! Кондрат стремглав кинулся вверх. Такой прыти от тлеющей нити Кондрат никак не ожидал. И все равно поднимавшийся по лестнице незнакомец опередил: на полминуты раньше вошел в чью-то квартиру этажом ниже. Свой или чужой дом... Хотя какая, к черту, разница, свой дом или чужой, когда нитка тлеет безумно быстро?! Главное, тот, кто поднимался, чудом успел войти... Потому как грохнуло по-взрослому!

Поморщившись, Кондрат выглянул из-за угла, где спря-тался от взрыва. Поморщился, потому что едко запахло сго-ревшим порохом. Ха-ха, этот запах тут же перебил вонь от соленых огурцов. Знай наших! Вид Савловой двери привел Кондрата в еще больший восторг. Еще бы! Взрывная сила с мясом вырвала хороший кусман дверного полотна, где еще полторы минуты назад находился замок.

Дыра была похожа на рваную рану, Кондрату показалось, что то Терминатор пробил ее своим железным кулаком... Из пробоины в несчастной двери струился тонкий пороховой дымок, прямо на глазах уступая место свету – белому свету, вырывавшемуся наружу из квартиры покойного Савла. Точно его душа, день назад вырвавшаяся из его мертвого тела.

В этой квартире Савл до своей смерти жил сначала с мамой, потом один. Где сейчас он обосновался, Кондрат мог только догадываться. Мать Савла уже три года как работала за границей – не то в Италии, не то в Германии... Вот откуда у парня розовый пиджак в клетку и солнцезащитные очки даже в пасмурный день. Кондрат повертел в руках очки: «Ниче очочки!» – и положил обратно – на полку в полированном серванте. Отметил про себя, что мебель в доме марубенькая, еще совдеповская. И все остальное – никакое. Понурое, покосившееся и, кажется, даже уменьшившееся в размерах. Будто вместе с душой последнего жильца этот дом покинула и его собственная душа. И дом смертельно затосковал... Домовая душа отправилась на поиски домового рая. А стены и потолок, как ненужное тело, бросила на растерзание одиночеству и тишине. И еще, в качестве приманки, – непрошенному гостю... Вообще-то, Гапону дела не было до Савловой квартиры, его интересовал исключительно хозяйский комгем.

Он стоял на столе возле окна. Вчера этот комгем убил человека. Кондрат невольно поежился при мысли об этом, из-

под правой подмышки скатилась капля холодного пота. Тело плачет по-своему... Фигня! Такое с Кондратом не случится. С кем угодно может случиться – с ним никогда!

Включил комгем, на диске «с» быстро отыскал программу, которую они называли «черным ящиком». По сути это была дневниковая панель, где фиксировались абсолютно все контакты тема в Гемоглобове, все файлы, которые тем сбрасывал в Сеть или скачивал из нее. В виде растворенного в крови гносиса и его электронных копий – гемобайтов. Кажется, Гапон знал, что искать. Особенно не вчитываясь в дневниковое ассорти – в бесчисленные избитые и заезженные мечты, страхи и любви, скаченные из Гемоглобова, вместе с чужой кровью заимствованные у почти сотен пользователей, – Кондрат, торопливо спускаясь по экрану, добрался до конца дневника.

Дневник Савла обрывался на двух файлах. Один из них Кондрат, заметно побледнев, сразу же, не открывая, удалил. На втором остановил любопытный взгляд. В следующую секунду глаза его расширились, бледность сменили красные пятна на щеках – Кондрат пришел в ярость.

– Это еще шо за фигня?! Любовь.мп3... С таким расширением файлов не должно быть. Значит, Савл скачал его из обычного интернета. Значит... Черт! Савл, сволочь, убрал фильтр!

Кондрат бегло осмотрел комгем: как ни странно, фильтр – небольшая, с полмодема, коробочка – был на месте, дисково-

ды, наоборот, как и полагается, отсутствовали. Дисководов не было, потому что так решил он, Кондрат Гапон. Чтобы у гемов не возникало даже соблазна скопировать что-нибудь с дискеты или компакт-диска. Скопировать, а затем растворить в крови – своей и чужой. Для этих же целей Кондрат распорядился установить специальные фильтры – чтобы защитить пользователей Сети хотя бы от самой безобидной опасности, от самой заурадной заразы. Чтобы защититься от самих себя – от явных и скрытых желаний и пороков. Хочешь побродить по интернету, почту проверить – дело твое, но качать из него – не смей! В Гемоглобове – этой венозной гиперреальности – и без того столько информации, столько первородного гносиса, в котором слилась память всех поколений и тех, безымянных, кто их породил!.. Гемоглобов – строптивый хищник, которого Кондрату удалось обуздать; Гемоглобов – глубинная река подсознания, вытащенная Гапоном наружу, заключенная в металлопластиковую оплетку гемоводов и транскабелей... Интернет – жалкая, убогая пародия на Гемоглобов, эрзац-сеть, суррогат-истина... Да, интернет был тем довольно распространенным случаем, когда люди, решившие созидать новое, ни сном ни духом не ведали, что на самом деле они не творят ничего нового и даже не изобретают велосипед, а неумело, жутко неумело подражают. А сам объект подражания или пародии – вот он, в нескольких шагах от ищущих, в доме № 4 по улице Якира. И при этом никакой завесы тайны и строгой секретности!

Пародия вышла убитой, никудышной; интернет – этим все сказано! Тьфу!.. Кондрат, не замечая, целиком отдавшись благородному гневу, может, чересчур критически оценивая уровень современных электронных коммуникаций, плюнул на стол Савла. В сердцах плюнул на его бывший стол. К счастью, Гемоглобову никакая пародия не помеха. И смерть тоже не помеха. Одна смерть – еще не помеха.

Итак – Кондрат вздохнул – злость сменилась подозрительной задумчивостью, – итак, раз фильтр на месте, можно сделать единственно верный вывод: чужой файл попал в комгем Савла одновременно с чужой кровью, скачанной из Гемоглобова. Следующий вывод, который также напрашивался сам собой: комгем идентифицировал файл – электронную копию чужого, чужеродного гносиса – как Любовь.мп3. Оpoznать же сам оригинал намного сложнее, почти невозможно. Напряженно размышляя, пытаясь спешно сконструировать в сознании картину смерти приятеля, Кондрат тупо наблюдал, как сохнет на полированной столешнице его плевок. Прямо на глазах слюна, высыхая, темнела, точно кровь, что сворачивается... Что случилось дальше, когда чужой гносис угодил в кровеносную систему Савла? Путь его восстановить несложно. Да раз плюнуть! Чужак преодолел Суэцкий канал со всеми причитающимися причиндалами – насосом и клапанами-шлюзами, а из сердца напрямик двинулся в сторону мозга. Там все и случилось...

Нет, Кондрат не был уверен, что Савла свалил именно

этот файл. Или, вернее, неизвестный гносис, предусмотрительно обзаведшийся электронным двойником. Да еще с таким попсовым именем – Любовь.мп3! Но как бы там ни было, эта неожиданная парочка спутала ему все карты. Мать его или ее, кто испортил ему эксперимент! Да, блестящий, гениальный эксперимент в жопе. В жопе и его, Кондратова, рулетка! Ради нее-то он и затеял эту дьявольскую авантюру, ради нее одной рисковал... А тут какой-то козел или коза подослала шпиона. Или, того хуже, – киллера. Гносис-киллер, гемобайт-убийца. Как тебе, Кондратик? Гапон плюнул в другой раз, угодил в клавиатуру – точно в кнопку «Enter». Кто-то обошел его, черт! Кто-то переплюнул его вместе с его гениальным планом!

Вытирая слюну, Кондрат невзначай нажал «Enter» – в этот момент курсор замер на файле Любовь.мп3. Запустил его ненароком – и ничего не случилось. По-прежнему было очень тихо – слышен был лишь чуть жужжащий шум вентиляторов в системном блоке компютера. Да бесшумно подскакивала и обрывалась вниз, вторя пульсу неведомой мелодии, разноцветная диаграмма в «винампе»... «Тихо-то как», – может, впервые содрогнулся Кондрат. Он почувствовал, как мерзко зашевелились волосы на голове, как душа, до смерти испугавшись, уперлась в солнечное сплетение... И тут до него дошло: «Чего я стою?! Колонки нужно включить!»

Динамики стояли рядом. Кондрат подсоединил их, но, прежде чем включить, вдруг прервал воспроизведение зло-

счастливого файла. С минуту-другую стоял в нерешительности, зачем-то поглаживая левый динамик. Наконец включил колонки, установил почти максимальную громкость, чтобы сразу или привести себя в чувство, или тотчас окочуриться. Как это умудрился сделать Савл, не видать ему царства... Гапон продолжал медлить. Может, взорвать комгем к гребаной матери? Пороха еще достаточно. Вот будет салют для соседей и сюрприз для ментов!.. Нет, это не выход. Он должен выяснить, что это за дрянь и кто ее подкинул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.